

Г. Ф. Коган

ЗАГРАНИЧНЫЙ ПАСПОРТ Ф. Ф. ДОСТОЕВСКОГО 1918–1921 гг.

Недавно в мои руки неожиданно попал заграничный паспорт Федора Федоровича Достоевского, сына писателя. Каким образом он попал ко мне, об этом будет сказано ниже. Это очень ценный документ. До сих пор исследователям были известны только 2–3 странички из паспорта сына писателя 1903–1908 гг.

Федор Федорович Достоевский родился в 1871 г. Он с младенческих лет любил лошадей и сохранял к ним до конца жизни особую, неизменную привязанность. В этой связи вспоминается, как в «Братьях Карамазовых» Достоевский писал, «что русский мальчик так и родится вместе с лошадкой» (14; 189). Кстати, в одном из писем Анна Григорьевна сообщает Достоевскому из Старой Руссы, что они купили Феде жеребеночка¹. И всю жизнь Федор Федорович был увлечен лошадьми, держал конный завод, играл на скачках, хотя это и вызывало недоумение у многих современников: потомок Достоевского — и вдруг такое легкомысленное увлечение.

Люба и Федя, дети Достоевского, по мере взросления все больше и больше отдалялись друг от друга, возникали сложности в их взаимоотношениях. Анна Григорьевна рассказывала об этом в письмах В. В. Розанову, жаловалась, что ей редко удастся пожить с сыном в Симферополе (именно там у него был свой конный завод). «Мечта моя исполнилась, и я провела девять счастливых дней. Сколько мы с сыном переговорили, сколько смеялись и спорили и почти заново познакомились друг с другом»². Как Анна Григорьевна понимала все увлечения Федора Михайловича, так она понимала и азарт сына, понимала, что суд людской несправедлив к нему.

Вот как она писала об увлечении сына В. В. Розанову: «Юношей он мог бы поступить на службу и, благодаря влиянию друзей Федора Михайловича (Победоносцева, Филиппова, Вышнеградского и др.), мог бы сделать блестящую карьеру. А он, желая независимости, выбрал скромную деятельность сельского хозяина, коннозаводчика, и вот 14 лет работает как вол круглый год, чтобы хорошо вести свое дело. Для него это не забава, не праздное времяпровождение, а дело жизни и кусок хлеба. И из него выработался отличный работник; доказательство тому, что он служит по

¹ См.: *Достоевский Ф. М., Достоевская А. Г. Переписка.* М., 1979. С. 344 (письмо от 6 июня 1880 г.).

² *Минувшее. Исторический альманах.* Париж, 1990. Т. 9. С. 281.

выбору старшим членом Московского Скакового Общества, а плохого человека на это дело не выбрали бы. И вот потому только, что он разводит лошадей, а не коров и овец, как всякий сельский хозяин, его обвиняют в пустых затеях и глупо проводимой жизни. Таков бывает суд людской, и стоит ли его ценить!»³.

Эту страсть сына Достоевского к лошадям потому так важно было здесь вспомнить, что по обстоятельствам своей службы в 1917 г., стараясь спасти своих лошадей от бескормицы, он устремляется на юг, в Пятигорск, мотается по югу, затем снова возвращается в Москву, в Скаковое Общество. И обстоятельства, видимо, сложились так, что он в это бурное время не смог встретиться с матерью.

Сохранилась переписка Ф. Ф. Достоевского с матерью. Сегодня она опубликована⁴. Федор Федорович был очень внимательным сыном, очень беспокоился о здоровье Анны Григорьевны, давал советы по всем вопросам, касающимся имущественных дел в это непростое время революции и гражданской войны: в частности, как быть с имением в Ялте — продавать или не продавать? За какую цену?

Он не смог вырваться в Ялту, когда Анна Григорьевна была жива. Даже неизвестно достоверно, дошла ли до него телеграмма матери: «Очень слаба. Выезжай» (сохранился черновик, на клочке бумаги, залитый клеем, где еще какие-то домашние, хозяйственные записи)⁵.

Но он выехал на юг после ее смерти. До сих пор было известно, что какой-то пропуск в Крым ему выхлопотал Анатолий Васильевич Луначарский. И вот теперь в нашем распоряжении заграничный паспорт, который Федор Федорович получил летом 1918 г. На титульном листе еще герб Российской империи (двуглавый орел), но тут же печать Совета рабочих и крестьянских депутатов. Чуть ниже подпись владельца: Ф. Достоевский. Важная запись: «Предъявитель сего Российский гражданин Федор Федорович Достоевский — 47-ми лет отправляется за границу в Украину». С конца 1917 г. Украина была уже за границей. И требовался заграничный паспорт. Затем идут отметки, что внесены положенные деньги: 25 рублей, 15 рублей. Стоит подпись заведующего Иностранным Отделом. Указано, что «со стороны Московского Совета рабочих и крестьянских депутатов препятствий к выезду за границу указанного в сем документе лица не встречается». Дата выдачи паспорта — 24 августа 1918 г. Анна Григорьевна умерла 22 июня. Значит, Федор Федорович ехал уже на могилу матери.

На отдельном листе фотография в профиль: 6 на 6 см. Эта фотография существует и в увеличенном виде. После смерти Ф. Ф. Достоевского ее принесла в московский музей писателя гражданская жена Федора Федоровича — Леокадия Михаэлис.

³ Там же. С. 293.

⁴ См.: А. Г. Достоевская. Последний год жизни в воспоминаниях и письмах / Публ. и примеч. В. Н. Абросимовой // Достоевский и мировая культура. М., 2000. № 14. С. 264–295.

⁵ Там же. С. 291.

Самое ценное в паспорте — даты: когда и куда Ф. Ф. Достоевский явился, где останавливался, кто делал отметки. Первая запись, как уже отмечалось, — 24 августа 1918 г., Иностраный Отдел Московского Совета рабочих и крестьянских депутатов. Последняя — декабрь 1920 г. На внутренней стороне задней обложки, вслед за всякими таможенными указаниями, предписаниями, отметки: где и когда Федор Федорович останавливался в Ялте. Его место жительства — Мееровская и Татарская улицы.

Федор Федорович с трудом пробрался через несколько фронтов в Крым. Когда он приехал в Ялту, он был очень расстроен. Он расспрашивал знакомых, в каком платье мать была похоронена, кто был рядом с ней. И вдруг его арестовывают. Страничка воспоминаний об этом появилась в одном из эмигрантских изданий.

«Ночью привели его в какой-то барак в Симферополе. Следовательно, какой-то пьяный тип в кожаной куртке, с опухшими красными веками и провалившимся носом, начал „допрос“ в следующей форме:

— Зачем оказался здесь?

— Я в 1918 г. приехал сюда к умирающей матери и остался здесь.

— К матери... мать... сам, сволочь, поди уже дед и тоже матер-р-р-и... Достоевский молчал.

— Расстрелять!

Расстрелы происходили тут же, во дворе, и пока шел допрос, слышны были поминутно выстрелы. В бараке одновременно работало семь „следователей“. Моментально Достоевского схватили и стали тащить по направлению ко двору. Тогда, не помня себя, он крикнул:

— Подлецы, моему отцу ставят памятники в Москве, а вы меня расстреливаете.

Безносый, видимо, смутился и прогнусавил: „Что брешь? Какому отцу? Какие памятники? Как твоя фамилия?“

— Моя фамилия Д-о-с-т-о-е-вский.

— Достоевский? Никогда не слыхал...

К счастью, в эту минуту к следователю подбежал маленький, черненький, юркий человек и стал ему что-то быстро шептать на ухо.

Безносый медленно приподнял голову, тупо посмотрел воспаленными веками в сторону Достоевского и произнес: „Пошел к черту, пока цел“⁶.

В этой связи интересно отметить, что жена Федора Федоровича, Екатерина Петровна, от тех же большевиков получила «охранную грамоту», выданную ей Скадовским Советом рабочих и крестьянских депутатов. (Это как матрос Швандя в пьесе К. Тренева «Любовь Яровая» выдает «охранную грамоту» старому профессору Горностаеву)⁷. Так по-разному относились большевики к имени Достоевского!

⁶ Цит. по перепечатке С. В. Белова: Литератор (Ленинград). 1990. № 22 (27). 22 июня. С. 5.

⁷ Текст «Удостоверения № 626», выданного Е. П. Достоевской Скадовским Советом, см.: Коган Г. «Охранная грамота» Достоевских // Вопросы литературы. 1965. № 3. С. 252–253. Документ был подарен Музею Достоевского в Москве внуком писателя А. Ф. Достоевским.

По воспоминаниям Л. С. Михаэлис, выехав в Ялту в августе 1918 г., Ф. Ф. Достоевский задержался там на три года и вернулся в июне 1921 г.⁸, разные события его там задержали. Как рассказывал мне сын Федора Федоровича, А. Ф. Достоевский, его отца арестовывали в Крыму не однажды. Он был арестован железнодорожной ЧК, его приняли за спекулянта, везущего в корзинах и металлических банках какую-то контрабанду; и в самой Ялте у него были конфискованы какие-то два чемодана, которые Федор Федорович проносил по улице, а в Севастополе у него был конфискован чемодан с рукописями, оставшимися в Ялте после смерти Анны Григорьевны. Он так и уехал в Москву без этих материалов, а архив был доставлен в Исторический музей уже самими чекистами⁹. О том, что было в этом чемодане, дает представление коллекция А. Г. Достоевской, как она отражена в описях московских архивов, где немало тех документов: письма к ней родных и знакомых, имущественно-деловые бумаги (связанные с желанием Анны Григорьевны продать ялтинский земельный участок, о чем она советуется в письмах с Федором Федоровичем), переписка с теми, кто остался в Адлере на ее даче «Отрада», рецепты ялтинских врачей, записи ухаживавших за ней сиделок и многое другое.

Нами также обнаружен интересный документ, показывающий, какие шаги предпринимал сын Достоевского, пытаясь вырваться из Крыма. Это письмо, отправленное им с оказией из Ялты в Москву. Адресат письма — известный драматург, актер, театральный деятель А. И. Сумбатов-Южин. В театральном мире было известно о близкой дружбе А. И. Сумбатова-Южина с домом Луначарского. Он часто бывал в этом доме. Вот почему Федор Федорович именно к нему обратился с просьбой похлопотать о вызове через Луначарского¹⁰.

«Многоуважаемый Александр Иванович.

Два с половиной года тому назад я приехал в Ялту хоронить мою мать и с тех пор я пленник этого города. Два раза пробовал проехать на Север через Одессу — и все напрасно, столько было буквально непреодолимых препятствий. Между тем вернуться в Москву и Петроград мне необходимо, т<ак> к<ак> со смертью матери на моих руках остались и рукописи романов и масса неопубликованных писем отца, дневники матери, портреты и вещи отца, которые подлежат передаче музею, и т. д.

Одновременно с этим письмом пишу Луначарскому, прося вызвать меня официально через Ревком (телеграммой) в Москву. Но я с ним не знаком и совершенно не знаю, как он отнесется к моей просьбе. Между тем, все материалы, о к<о>т<орых> говорил выше, находятся в разных местах и хранилищах, ключи у меня здесь, да что толку, если они из-под ключа продают?

Очень я беспокоюсь и очень надеюсь, что Вы, добрейший Александр Иванович, не откажетесь похлопотать за меня у Луначарского или у кого

⁸ См.: *Волоцкой М. В.* Хроника рода Достоевского: 1506–1933. М., 1933. С. 143.

⁹ См.: *Утренники.* Пг., 1922. Кн. 1. С. 129.

¹⁰ Об А. И. Сумбатове-Южине см.: *Гиляровский В.* Сочинения. М., 1967. Т. 1. С. 310–314.

найдете нужным, чтобы меня специально вызвали по телеграфу через местный Ревком (Наробраз, Лекционная Секция АНО) в Москву. Отсюда все выезжают именно по вызову или командировкам. Очень, очень меня обяжете Вашим любезным содействием, а иначе мне предстоит неисчислимые (?) мытарства.

В надежде на Вашу добрую помощь остаюсь
Вас искренно уважающий и преданный

Ф. Достоевский.

Это письмо прошу отвезти милейшего Николая Борисовича Полынова, к<о>т<орый> остановится у Ермоловых на Тверском бульваре.

Красноармейск (Ялта)
2 / 15 мая 1921 г.».

На конверте:

«Его сиятельству Александру Ивановичу князю Сумбатову.

Палашевский пер., угол Трехпрудного, дом бывший Коломийцева».¹¹

Приведенное письмо Федора Федоровича к Сумбатову–Южину проливает дополнительный свет на причины затянувшегося возвращения Федора Федоровича из Крыма в Москву, содержит ценные сведения о его пребывании в Ялте (отметим, в частности, отсутствующую в паспорте дату: 2 / 15 мая 1921 г.), свидетельствует о том глубоком беспокойстве, которое охватило его еще там, недалеко от могилы матери, беспокойстве о состоянии наследия его отца — великого русского писателя, о судьбе коллекций, собранных Анной Григорьевной.

Вернувшись в Москву, он обращается с заявлением в Исторический музей, просит содействовать его поездке в Петроград для разыскания рукописей отца и фамильных вещей. Заявление это так и не было отправлено по назначению, осталось в архиве сына писателя. Уже много спустя после смерти Федора Федоровича его гражданская жена Леокадия Михаэлис передала этот документ в московский музей Ф. М. Достоевского (укажу, что и ключи, о которых сын писателя упоминает в письме к Сумбатову–Южину, также были переданы Михаэлис в музей). Приведем несколько мест из этого чрезвычайно интересного документа:

«...в состав музея (коллекции в так называемом „отделе Достоевского“, учрежденном А. Г. Достоевской еще в 1901 г. в комнате одной из башен Исторического музея и названном ею „Музеем памяти Ф. М. Достоевского“; существовал до 1929 г. — Г. К.) до сего времени не вошли многие предметы, как, например, дорогие по воспоминаниям для покойной матери портреты, бюст и маска работы Бернштама, вся семейная переписка, воспоминания моей матери, предметы обстановки и пр. Часть этих предметов находится у меня, но многое находится в сэфе [так], в сохранной казне и в складе для хранения — ключи и квитанции находятся у меня.

¹¹ РГАЛИ, ф. 878, оп. 1, ед. хр. 1003, л. 1 об.

В течение моего вынужденного пребывания в Крыму <...> произошли значительные изменения — хранилища обезличены и содержание распределено по различным отделам, причем разборка, особенно рукописей и писем, производится людьми часто несведущими. Я крайне озабочен, что ценнейшие для литературы и истории документы могут затеряться и исчезнуть. Я вижу самую настоятельную необходимость немедленно, не теряя времени, приступить к розыску и изъятию из несоответствующих хранилищ для сосредоточения всего в одном Российском Историческом музее. <...>

Крайне опасаясь откладывать далее и видя самую неотложную необходимость приступить к розыску угрожающе рассеянных материалов, я обращаюсь с ходатайством оказать мне в том содействие выдачей необходимых средств, соответственного мандата на розыск материалов и вещей и изъятия их для сосредоточения в Историческом музее, а также Предложения на проезд в Петроград и обратно»¹².

То, что оставалось в банковских хранилищах, как известно, не исчезло. Это 162 письма Ф. М. Достоевского к жене, дневник Анны Григорьевны 1867 г., творческие рукописи романов и др.¹³ Не оказалось лишь рукописи «Братьев Карамазовых». Но Федор Федорович иногда упоминает о материалах, оставшихся у частных лиц. Этот вопрос подлежит дополнительному изучению. Загадочная история утраты рукописи великого романа еще ждет своих исследователей¹⁴.

И в завершение несколько слов о том, как оказался в моих руках заграничный паспорт Ф. Ф. Достоевского. Значит, бывают же все-таки неожиданные находки!

Однажды в семье знакомых преподавателей иностранных языков из Института Мориса Тореза, с которыми меня связывает многолетняя дружба, пришедшая к ним в гости Елена Александровна Медведенко рассказала, что у нее долгие годы хранится ценный документ, связанный с семьей Достоевских, но она не знает, кому из исследователей о нем сообщить. И тогда одна из гостей, француженка Ролетт, назвала ей мое имя и дала номер телефона. Мы встретились с Е. А. Медведенко в одном из московских писательских домов. И она рассказала, что паспорт Ф. Ф. Достоевского был получен в подарок ее мужем от семьи профессора Московской Консерватории Дубовского. Муж Елены Александровны, Давид Германович Медведенко, драматург, театровед и театральный критик, много лет дружил с проф. Дубовским (еще со студенческих лет, вместе учились в ГИТИСе). Когда Дубовской умер, его семья, выполняя пред-

¹² ГЛМ. Оф. 4824. Цит. по первопубликации Т. И. Орнатской: Литературный архив: Материалы по истории русской литературы и общественной мысли. СПб., 1994. С. 242–243.

¹³ См.: Описание рукописей Ф. М. Достоевского / Под ред. В. С. Нечаевой. М., 1957.

¹⁴ О поисках рукописи романа «Братья Карамазовы» см.: Орнатская Т. И. К истории утраты рукописей романа «Братья Карамазовы» // Достоевский. Материалы и исследования. СПб., 1992. С. 181–193; Тихомиров Б. Н. О тайнах рукописи «Братьев Карамазовых» // Смена. 2001. 17 января. № 7. С. 10–11.

смертную волю покойного, пригласила Д. Г. Медведенко к себе в дом на Покровке и, полагая, что, как писатель, тот сумеет оценить значение этого документа и сохранить его, передала ему паспорт Ф. Ф. Достоевского — вместе с фотографией неизвестного лица в настольной рамочке. Это была даже, скорее, театральная открытка начала 1900-х гг., портрет артиста.

На обороте открытки были написаны стихи, частью по-русски, частью по-французски, где были, в частности, такие строки:

Вы как Венера Боттичелли...
Носки и трудные все рас
Вам удаются без труда.
А я танцую как медведь...

И далее говорилось о том, что, глядя на их *pas de deux*, всякий воскликнет: как может она танцевать с этим старым танцором? Мне удалось установить, что этим «старым танцором», изображенным на открытке, был Александр Иванович Сумбатов-Южин. А стихи, несомненно, обращены к Леокадии Стефановне Михаэлис, уже неоднократно упомянутой гражданской жене Ф. Ф. Достоевского. Леокадия и ее сестра Анна были танцовщицами—«босоножками»¹⁵.

Женой сына Достоевского Л. С. Михаэлис стала в 1916 г. Кстати, говоря о судьбе архива Ф. М. Достоевского после смерти Федора Федоровича, надо указать, что именно Михаэлис, выполняя завещание покойного, передала в Исторический музей, где в 1901 г. Анной Григорьевной был основан упомянутый выше «Музей памяти Ф. М. Достоевского», личный экземпляр Евангелия, который писателю в 1850 г. подарили по пути в Омский острог жены декабристов, с его пометами и знаменитое письмо Федора Михайловича брату от 22 декабря 1849 г. из Петропавловской крепости¹⁶. И, несомненно, именно Михаэлис принесла дорогие ей предметы — паспорт Федора Федоровича и фотографию с посвященными ей стихами, профессору Дубовскому, в дом на Покровке, который в Москве еще называют домом Боткиных.

¹⁵ См.: Первое театральное агентство для России и заграницы Е. Н. Рассохиной (РГАЛИ, ф. 2492, ед. хр. 515). Сведения о сестрах Михаэлис составлены в мае 1912 г.

¹⁶ Подробнее см.: Коган Г. Вечное и текущее (Евангелие Достоевского и его значение в жизни и творчестве писателя) // Достоевский и мировая культура. М., 1994. № 3. С. 33.